

ОБ УСЛОВИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ОПЫТА В УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Уткин Владимир Александрович

Цель: определение условий и перспектив успешной реализации в уголовно-исполнительной системе России опыта зарубежных пенитенциарных учреждений.

Методология: диалектика, анализ, сравнительно-правовой, исторический и формально-юридический методы.

Выводы. В отечественной пенитенциарной теории и практике отношение к пенитенциарному опыту развитых европейских стран исторически менялось от идеологического отторжения до романтического идеализма. Хотя изучение и внедрение зарубежного опыта традиционно упоминается в концептуальных документах, реальные результаты остаются весьма скромными. В частности, потерпела неудачу попытка всеобщей замены системы исправительных колоний тюрьмами, построенными по западному образцу.

По мнению автора, существует ряд объективных обстоятельств сущностного характера, препятствующих широкому внедрению западного опыта в уголовно-исполнительную систему России. Это исторически сложившаяся «лагерная» структура исправительных учреждений, с парамилитарным способом управления ими, предельная централизация управления, максимально детальное регулирование законом условий отбывания наказания. Различны и даже противоположны подходы законодателя и профессионального сообщества в России и на Западе к наказанию в виде лишения свободы, к тюремным условиям отбывания этого наказания и к роли труда как средства исправления осужденных.

В этой связи необходимо более глубоко изучать опыт стран СНГ, достигнутый за почти тридцатилетний период их развития. В частности, это опыт Республики Азербайджан по созданию пенитенциарных комплексов, а также опыт неудачной реализации пробации в Республике Казахстан.

Обеспечение организационно-правовых условий и научной обоснованности использования в уголовно-исполнительной системе России отдельных сторон позитивного зарубежного опыта предполагает принятие ведомственного нормативного акта Министерства юстиции РФ о порядке организации и проведения экспериментов в учреждениях и органах, исполняющих наказания, также формирование при Минюсте РФ научно-экспертного совета с широким вневедомственным участием.

Научная и практическая значимость. Статья актуализирует проблему разработки научных основ использования зарубежного опыта в уголовно-исполнительной системе России как относительно самостоятельного научного направления. Реализация предложений организационно-правового характера позволит обеспечить системное сопровождение и оптимальные условия реализации такого опыта.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, зарубежное законодательство, пенитенциарные комплексы, пробация.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>

Просвещение внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития.
М. Е. Салтыков-Щедрин

Несмотря на многообразие мировых пенитенциарных систем, в отечественной науке уголовно-исполнительного (ранее — исправительно-трудового) права под зарубежным пенитенциарным опытом традиционно понимались и понимаются преимущественно законодательство и практика стран Запада (Западной Европы, США и Японии), как наиболее «развитых». Причем отношение к нему кардинально менялось от идеологического неприятия до романтического идеализма. Советские учебники непременно включали главу о реакционном характере тюремной политики, тюремного законодательства и тюремоведения в капиталистических странах [1, с. 173–190]. В постсоветский период западноевропейский и прежде всего скандинавский пенитенциарный опыт нередко стал восприниматься как своего рода сияющий град на холме, тогда как отечественная практика непременно ассоциировалась с ГУЛАГом [2, с. 124–149].

В последние годы этим проблемам посвящен ряд интересных монографических исследований [3; 4; 5; 6; 7], и во многих авторитетных учебниках по уголовно-исполнительному праву содержатся разделы, описывающие важнейшие черты пенитенциарных систем отдельных стран Запада. Развитие международного сотрудничества, изучение и распространение зарубежного опыта в сфере исполнения наказаний и содержания под стражей было предусмотрено Концепцией развития уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства России от 14 октября 2010 г. № 1772-р (*СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544*). Как указано в Разделе XXI Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, «изучение и внедрение международного опыта пенитенциарных систем зарубежных стран в уголовно-исполнительную систему является одной из важнейших задач в процессе дальнейшего совершенствования деятельности Федеральной службы исполнения наказаний» (*распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // СЗ РФ. 2021. № 20. Ст. 3397*). Эту задачу, помимо прочих, решает Научно-исследовательский институт ФСИН России, в структуре которого образован отдел изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства.

Тем не менее приходится признать, что итоги внедрения зарубежного опыта в уголовно-исполнительной системе России в XXI в. на деле ока-

зались не столь впечатляющими и не оправдали возлагаемых на них надежд. Наиболее известным и, пожалуй, единственным общественно-значимым результатом стал перевод уголовно-исполнительной системы из подведомственности МВД России в Министерство юстиции РФ. Он, впрочем, состоялся еще в прошлом веке, в 1998 г., и был обусловлен не столько зарубежным опытом, сколько обязательствами России, связанными со вступлением в 1996 г. в Совет Европы. Помимо этого, можно отметить лишь частные улучшения условий отбывания наказания отдельных, как правило, немногочисленных категорий осужденных (беременных женщин, инвалидов и пр.), нередко пафосно именуемые «дальнейшей гуманизацией» уголовно-исполнительной политики. В то же время потерпела фиаско мотивированная зарубежным опытом и заложенная в Разделе 2 Концепции 2020 идея «всеобщей тюремизации» мест лишения свободы, то есть строительства к 2020 г. вместо существующих исправительных колоний 448 тюрем, отвечающих всем международным стандартам. В итоге упомянутый Раздел Концепции 2020 в 2015 г. был из нее исключен. Мягко говоря, неоднозначными и даже породившими уголовные дела и судебные приговоры в отношении известных руководителей ФСИН России оказались результаты внедрения ранее широко разрекламированного так называемого электронного мониторинга осужденных к ограничению свободы. Сейчас на практике он, как правило, сузился до таких процессуальных мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий.

Сказанное актуализирует проблему разработки научных основ использования зарубежного опыта в уголовно-исполнительной системе России, опирающихся не только на его объективный анализ, но и на специфику, в том числе достоинства и недостатки отечественной УИС, ее реальные возможности и перспективы. В этом плане не критическое восприятие зарубежного опыта столь же вредно, как превалировавшее в прошлом его идеологическое отторжение.

Такой подход предполагает, возможно, более четкое представление не столько о внешних атрибутах исполнения наказаний, сколько о его сущностных чертах. Среди них можно выделить как объединяющие российскую УИС с пенитенциарными системами развитых зарубежных стран, так и делающие попытки механического воспроизведения зарубежного опыта в России контрпродуктивными.

В первую очередь следует отметить отсутствие идеологического противостояния (между «ком-

мунизмом» и «капитализмом»), которое на протяжении большей части XX в. принципиально затрудняло общение и информационные процессы среди профессионалов. Что, к сожалению, не исключает иных аспектов подобного противостояния, связанного с обострением геополитической ситуации, политикой санкций, с ограничением контактов между специалистами и круга субъектов международного сотрудничества. Тем не менее между российской и западными пенитенциарными системами ныне объективно существует довольно много общих черт, среди которых в первую очередь нужно указать следующие:

- реальное лишение свободы не составляет абсолютного большинства среди назначаемых судами уголовно-правовых санкций;
- исполнение наказаний преимущественно подведомственно министерствам юстиции;
- признается правосубъектность осужденных, основанная на Всеобщей декларации прав человека, обращение с осужденными зиждется на правовых основах и сопровождается различными средствами контроля;
- одной из целей обращения с осужденными провозглашается их исправление (в различных интерпретациях), а труд признается одним из его средств;
- пенитенциарная система (как система мест лишения свободы) предполагает прогрессивную систему отбывания наказания и дополняется службой пробации либо аналогичной ей;
- персонал уголовно-исполнительной системы выделяется как довольно многочисленная профессиональная группа с относительно высоким социально-правовым статусом;
- к работе с осужденными и контролю за деятельностью уголовно-исполнительных учреждений и органов в той или иной степени привлекается общественность (НПО, добровольцы).

Нетрудно заметить, что изложенные выше признаки отражены в ряде основополагающих международных документов и прежде всего — в принятых ООН в 2015 г. Минимальных стандартных правилах в отношении обращения с заключенными (Правилах Нельсона Манделы) и Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правилах 1990 г.). Однако не следует смешивать зарубежный опыт и международные стандарты обращения с осужденными. Это разграничение проводится не всегда. К примеру, в упомянутой выше Концепции развития УИС на период до 2030 года говорится об «изучении и внедрении международного опыта пенитенци-

арных систем зарубежных стран», тогда как каждая из пенитенциарных систем зарубежных стран, как и УИС России, обладает не международным, а сугубо национальным опытом. В мире сейчас нет «международных» пенитенциарных учреждений. Последним, считавшимся таковым, была тюрьма Шпандау в Берлине, где до его смерти в 1987 г. по приговору Нюрнбергского военного трибунала пожизненно содержался гитлеровский военный преступник Рудольф Гесс.

Хотя международные стандарты обращения с осужденными аккумулируют, обобщают наиболее передовой и значимый опыт конкретных стран, их содержание, как правило, более абстрактно, а юридическое значение более конкретно, хотя оно зависит от вида международных актов (обязательные либо рекомендательные). Данное обстоятельство, в частности, отражено в ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказания и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора» (ч. 2). Согласно ч. 4 указанной статьи «рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей». В отличие от положений международных актов информация о тех или иных актуальных аспектах зарубежного пенитенциарного опыта имеет не юридическое, а сугубо информационное значение.

В этой связи термин «использование» зарубежного пенитенциарного опыта гораздо шире понятия его «внедрения», поскольку ознакомление с ним может лежать и в основе аргументации вывода (то есть использования) о нецелесообразности или невозможности его внедрения в нашей стране. При этом существует ряд объективных факторов, свидетельствующих о невозможности непосредственной рецепции ряда достижений зарубежной практики в отечественной уголовно-исполнительной системе. Отметим наиболее значимые из них.

Хотя ряд стран Запада (например, Великобритания) в последние десятилетия сталкиваются с ростом тюремного населения, а Россия сделала заметный шаг в направлении сокращения числа заключенных (в 2023 г. в России улучшилась ситуация по числу заключенных на 100 тыс. населе-

ния, тогда как в 2001 г. она находилась на 1 месте), все же их количество в России (как абсолютное, так и относительное) пока гораздо выше аналогичного показателя в любой стране Западной Европы.

Коэффициент преступности на 100 тыс. населения в большинстве стран Запада выше, чем в России, однако существующая в Европе и США всеобъемлющая система страхования на фоне преимущественно корыстного характера преступности существенно смягчает негативное восприятие населением последствий преступных деяний. В России же в силу относительно большего числа тяжких преступлений против личности и исторически сложившегося менталитета населения уровень его «карательных притязаний» гораздо выше. Поэтому средние сроки назначенного судами лишения свободы (6–7 лет) кратно превышают аналогичные сроки содержания в западных пенитенциарных учреждениях (1,5–2 года) [8, с. 30–32].

В западной пенитенциарной системе основным видом (и часто синонимом) лишения свободы выступает тюрьма. В России превалирует колони́стская, а по сути «лагерная» структура. В 2023 г. из 648 исправительных учреждений со только 7 представляли собой «классические» тюрьмы [9, с. 24]. С другой стороны, в рамках учреждений довольно интенсивно развиваются «тюремные начала». Это говорит о том, что российская система мест лишения свободы развивается по гибридно-му типу, о чем еще в 1996 г. до принятия УИК РФ писал автор этих строк («Если попытаться прогнозировать, можно предположить, что будущие места лишения свободы в России в большинстве своем воплотят в себе черты тюрьмы и колонии, превратившись в учреждения «гибридного» типа» [10, с. 50–51]). Данная тенденция получила законодательное оформление в 2001 г., когда в ч. 2 ст. 74 УИК РФ было внесено дополнение: «В исправительных колониях могут создаваться изолированные участки с различными видами режима, а также изолированные участки, функционирующие как тюрьма». Ныне в Концепцию развития УИС до 2030 г. включен специальный Раздел VII «Проект создания учреждения объединенного типа», а в Законе РФ от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» в мае 2024 г. появилась ч. 5 ст. 6 об учреждениях объединенного типа. К ним относятся исправительные колонии, в которых созданы изолированные участки с различными видами режима, изолированные участки, функционирующие как тюрьма, а также помещения, функционирующие в режиме

следственных изоляторов. В то же время нельзя не отметить принципиальной разницы в ментальном отношении к тюрьме, как к месту отбывания наказания на Западе и в России. В Западной Европе тюрьма — средство «цивилизации» уголовно-исполнительной политики и практики и в определенной мере способ обеспечения «суверенитета личности» осужденных в целом — гуманизации отбывания наказания. Но вспомним вызвавшую широкое общественное возмущение в России информацию об условиях содержания в тюрьме известного норвежского террориста Брейвика. Ему способствовало то, что в нашей стране все виды тюремных условий отбывания наказания исторически воспринимаются как противоположный вектор, как средство ужесточения условий отбывания лишения свободы (штрафной изолятор, помещения камерного типа и т.п.). Данное обстоятельство серьезно затрудняет взаимопонимание между российскими и западными пенитенциаристами при обсуждении проблем и перспектив расширения «тюремных начал» в российской УИС с учетом зарубежного опыта.

Очевидно, что преимущественно колони́стский, а по сути «лагерный» облик российских пенитенциарных учреждений объективно предполагает военизированный (парамилитарный) способ управления ими. В связи с этим бесперспективны основанные лишь на западном опыте попытки полностью ликвидировать парамилитарный способ управления в УИС. Речь может идти о смягчении ее наиболее негативных черт.

Этим обусловлены особенности профессиональной ведомственной подготовки кадров УИС России, также не свойственной странам Запада. Она организуется и проводится по принципам военных учебных заведений в восьми вузах, двух институтах повышения квалификации и региональных учебных центрах ФСИН России.

В большинстве западных стран сложилась многоуровневая структура пенитенциарных систем, предполагающая разделение мест лишения свободы на центральные или федеральные, региональные (штатов, земель и т.д.) и местные (муниципальные). Российская уголовно-исполнительная система исторически (во всяком случае с XX в.) основана на строгой централизации и, соответственно, не предполагает многоуровневого бюджетного финансирования. Понятно, что никакие региональные или местные эксперименты без одобрения федерального центра в ней в принципе недопустимы.

Важно и то, что в России и на Западе различен концептуальный подход к наказанию в виде лише-

ния свободы. Для западных стран он наиболее четко отражен в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с осужденными (Правилах Нельсона Манделы) 2015 г.: «Заключение и другие меры, изолирующие лиц от окружающего мира, причиняют им страдания уже в силу того, что они отнимают у этих лиц право на самоопределение, поскольку они лишают их свободы. Поэтому, за исключением случаев, когда раздельное содержание представляется оправданным или когда этого требуют соображения дисциплины, тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения» (Правило 3). Следовательно, режимы отбывания лишения свободы строятся и дифференцируются главным образом исходя из требований безопасности, они не имеют подробных нормативных оснований на уровне закона, в приговорах конкретно не определяются, устанавливаются и изменяются в административном порядке руководством пенитенциарных учреждений или вышестоящими органами управления исходя преимущественно из опасности личности осужденных либо их отдельных категорий.

Уголовная, уголовно-исполнительная политика России, пенитенциарная наука и законодатель традиционно исходят из того, что у лишения свободы есть количественная и качественная карательные стороны. Первую олицетворяет срок, а вторую — режим, различный по строгости (общий, строгий и особый режим исправительных колоний, общий и строгий режим в тюрьмах). Соответственно, основания определения, изменения вида режима, его конкретные карательные элементы и связанная с этим классификация осужденных максимально конкретно определяются федеральными законами (Уголовным и Уголовно-исполнительным кодексами РФ), осуществляются в судебном порядке и, по крайней мере, в начальный период отбывания наказания прежде всего зависят не столько непосредственно от опасности личности конкретного осужденного, сколько от тяжести совершенного им деяния. Понятно, что в отличие от западных тюрем степень свободы администрации учреждений в России здесь не столь велика. В то же время детальное определение в законе элементов режима лишения свободы и условий его отбывания создает возможность полноценного использования в качестве главного звена системы вневедомственного контроля за деятельностью УИС прокурорского надзора, предметом которого является законность оснований и условий отбывания наказания. Эта черта не присуща за-

падным пенитенциарным системам, для которых более характерны в данном отношении судебный контроль, а также деятельность разного рода омбудсменов, «посетителей тюрем» и т.д.

Определяемая возмездным характером наказания в виде лишения свободы его жесткая взаимосвязь прежде всего с совершенным преступлением не предполагает юридической возможности продления срока содержания под стражей «неисправимых» преступников, как это допускается в ряде стран Европы (ФРГ, Норвегия и др.). В этой связи высказываемые отдельными учеными и практиками подобные предложения (так называемый «минус-день»), аргументируемые западным пенитенциарным опытом, на сегодняшний день в принципе не могут быть реализованы в отечественной уголовно-исполнительной системе.

Наконец, труд, который исторически предопределил «лагерный» облик отечественных пенитенциарных учреждений. В западных тюрьмах доля привлеченных к нему осужденных не столь велика, хотя полезность оплачиваемого производственного труда не подвергается сомнению. Очевидно, что в силу преимущественно тюремного облика западных учреждений отсутствие всеобщей занятости осужденных неспособно осложнить обстановку в них столь серьезно, как в условиях коллективного содержания осужденных в российских исправительных колониях. Этим также, помимо прочего, обусловлена отмеченная выше тенденция к расширению в колониях «тюремных начал», то есть к их гибридизации.

Перечисленные выше факторы объективны, и уже сами по себе говорят о необходимости взвешенного подхода к использованию тех или иных аспектов западных пенитенциарных систем в российском законодательстве и уголовно-исполнительной практике и о бесперспективности механического воспроизведения в ней западного опыта. К тому же какого-то единого и целостного «западного опыта» просто не существует. Обстоятельно изучивший этот вопрос П. В. Тепляшин выделил в Европе по географическому признаку по разным критериям десять видов пенитенциарных систем [11, с. 11], а аналогичное исследование служб пробации, проведенное А. Л. Агабекян, привело ее к выводу о существовании двенадцати типов подобных служб [12, с. 12]. С расширением географии зарубежного пенитенциарного опыта разнообразие многократно умножится, и это чревато возникновением опасных соблазнов мотивировать тем или иным произвольно взятым «зарубежным опытом» любое, даже не вполне продуманное решение. Например, отмену так называ-

емого моратория на применение смертной казни (Белоруссия, Китай, Япония и др.).

Порой наблюдается стремление подкрепить зарубежной практикой уже принятый ранее нормативный акт. Так произошло, в частности, с принудительными работами. Это наказание было предусмотрено Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ст. 53¹ УК РФ), хотя сразу же отсрочено введением в действие по причине невозможности исполнения. В 2012 г. руководство ФСИН России поручило упомянутому выше отделу НИИ ФСИН подготовить аналитический обзор «Наказание в виде принудительных работ в уголовном законодательстве зарубежных стран» [13, с. 77]. Разумеется, обзор был подготовлен, несмотря на то что в уголовных кодексах зарубежных стран нет такого наказания (не путать с общественно-полезными, исправительными и каторжными работами). О принудительном труде осужденных в размере ста часов ежегодно говорится лишь в ст. 44 УК Республики Казахстан 2014 г., но эта мера не входит в перечень наказаний и соединяется с пробационным контролем при условном осуждении. Следует также учесть, что в отличие от российской Конституции (ст. 37) Конституция РК (ст. 24) в исключение из общего запрета принудительного труда допускает таковой по приговору суда.

Исторически сложилось, что у истоков становления пенитенциарных систем самостоятельных государств на постсоветском пространстве стояла система советских исправительно-трудовых учреждений, а основные принципы и общая структура уголовно-исполнительного законодательства в большинстве стран поначалу соответствовали Модельному уголовно-исполнительному кодексу, принятому в качестве рекомендательного акта в ноябре 1994 г. Межпарламентской ассамблеей СНГ [14, с. 3]. Но за прошедшие годы в странах СНГ произошли существенные перемены, и в большинстве из них появилось новое поколение законов об исполнении наказаний. В этой связи гораздо большего внимания по сравнению со странами дальнего зарубежья ныне заслуживает пенитенциарный опыт ряда стран СНГ (как положительный, так и отрицательный).

К примеру, в свете отмеченной выше нацеленности российской УИС на создание учреждений объединенного типа пока остается без внимания существующий опыт Республики Азербайджан по организации по сути аналогичных им пенитенциарных комплексов [15]. Его анализ мог бы предостеречь от возможных ошибок на этом пути. Как и объективная оценка успехов и неудач Рес-

спублики Казахстан в сфере пробации, которая в России только вводится в действие. В последнее время в отличие от ранее опубликованных исследований [16] казахстанские ученые все чаще отмечают, что она, к сожалению, не оправдала возлагавшихся на нее надежд, а предполагавшаяся ранее единой система органов пробации, по сути, распалась на две подсистемы — пробационную социальную помощь (местные органы исполнительной власти) и пробационный контроль (органы внутренних дел) [17, с. 142]. Представляется, что налицо именно тот случай, когда следует учиться на чужих ошибках.

Сам термин «внедрение» изначально с советских времен предполагает сопротивление, одна дела не всегда обстоят именно так. Поэтому, на наш взгляд, корректнее говорить об использовании зарубежного опыта. Неудачная практика пресловутой «тюрьмизации» показала, что здесь, помимо отмеченных выше объективных препятствий, возможен целый ряд подводных камней, обусловленных издержками не только парамилитарных, но и сугубо бюрократических черт управления в УИС. Это кампанейщина и связанный с ней фетишизм отчетности, показуха и отсутствие обратной связи, приукрашивание результатов, формализм и нежелание брать на себя ответственность, слепое копирование зарубежного опыта и отсутствие стейкхолдеров (непосредственных выгодоприобретателей) в лице конкретных учреждений и управленческих структур. Наконец, постоянные ссылки на отсутствие ресурсов и консервативный менталитет многих руководителей. Однако не подлежит сомнению, что адекватное ситуации использование позитивного зарубежного опыта — один из ключевых факторов дальнейшего поступательного развития российской уголовно-исполнительной системы. Для научного и организационно-правового обеспечения этого процесса в будущем необходимо в первую очередь следующее:

1. Принятие ведомственного нормативного акта Министерства юстиции РФ о порядке организации и проведения экспериментов в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

2. Образование при Минюсте РФ научно-экспертного совета с обязательным включением в него, помимо руководителей ФСИН, известных ученых, не принадлежащих к вузам и научным учреждениям УИС, опытных практиков из числа руководителей низшего звена, а также авторитетных и конструктивно нацеленных правозащитников.

Литература

1. Исправительно-трудовое право. М.: Юридическая литература, 1971. — 416 с.
2. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России. М.: Инфра-М, 2001. — 418 с.
3. Тепляшин П. В. Европейские пенитенциарные системы. М.: Юрлитинформ, 2018. — 304 с.
4. Тепляшин П. В. Неолиберальное развитие пенитенциарных систем. М.: Юрлитинформ, 2020. — 144 с.
5. Агабекян А. Л. Непенитенциарные системы Европы. М.: Юрлитинформ, 2023. — 176 с.
6. Добряков Д. А., Миняева Т. Ф. Труд осужденных в России и зарубежных странах. М.: Юрлитинформ, 2022. — 184 с.
7. Белоносов В. О. Тюремь Франции: аспект делегированного управления. Саратов: Амирит, 2021. — 186 с.
8. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). М.: Центр стратегических разработок, 2017. — 69 с.
9. Итоги деятельности уголовно-исполнительной системы в 2023 году. М.: ФСИН России, 2024. — 39 с.
10. Уткин В. А. Европейские тюремные правила и проблемы их реализации. Томск: НТЛ, 1996. — 64 с.
11. Тепляшин П. В. Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Красноярск, 2019. — 46 с.
12. Агабекян А. Л. Стандарты Совета Европы в сфере исполнения альтернативных («общинных») наказаний: эволюция и национальные варианты реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Томск, 2022. — 28 с.
13. Грушин Ф. В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2017. — 208 с.
14. Сравнительный анализ уголовно-исполнительного законодательства стран — участниц СНГ. Рязань: Академия ФСИН России, 2007. — 36 с.
15. Гумбатов М. Г. Пенитенциарные комплексы — новый вид учреждений по отбыванию лишения свободы в Азербайджанской Республике // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рязань, 2013. С. 115–124.
16. Гета М. Р. Опыт пробации и его применение в Республике Казахстан. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2003. — 44 с.
17. Рахимбердин К. Х. Преодоление наследия ГУЛАГа: из прошлого в современность уголовно-исполнительной системы Казахстана. Нур-Султан: КМФ правового сотрудничества, 2022. — 160 с.

References

1. Ispravitel'no-trudovoe pravo [Correctional Labor Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1971. 416 p. (In Russian)
2. Oleinik A. N. Tyuremnaya subkul'tura v Rossii [Prison Subculture in Russia]. Moscow, Infra-M Publ., 2001. 418 p. (In Russian)
3. Teplyashin P. V. Evropeiskie penitentsiarnye sistemy [European Penitentiary Systems]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 304 p. (In Russian)
4. Teplyashin P. V. Neoliberal'noe razvitie penitentsiarnykh sistem [Neoliberal Development of Penitentiary Systems]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 144 p. (In Russian)
5. Agabekyan A. L. Nepenitentsiarnye sistemy Evropy [Non-Penitentiary Systems of Europe]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 176 p. (In Russian)
6. Dobryakov D. A., Minyazeva T. F. Trud osuzhdennykh v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Labor of Convicts in Russia and Foreign Countries]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022. 184 p. (In Russian)
7. Belonov V. O. Tyur'my Frantsii: aspekt delegirovannogo upravleniya [Prisons of France: the aspect of delegated management]. Saratov, Amirit Publ., 2021. 186 p. (In Russian)
8. Ugolovnaya politika: dorozhnaya karta (2017–2025 gg.) [Criminal policy: roadmap (2017–2025)]. Moscow, Tsentr strategicheskikh razrabotok Publ., 2017. 69 p. (In Russian)
9. Itogi deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v 2023 godu [Results of the activities of the penal system in 2023]. Moscow, FSIN Rossii Publ., 2024. 39 p. (In Russian)

10. *Utkin V. A.* Evropeiskie tyuremnye pravila i problemy ikh realizatsii [European prison rules and problems of their implementation]. Tomsk: NTL Publ., 1996. 64 p. (In Russian)
11. *Teplyashin P. V.* Evropeiskie penitentsiarnye sistemy (teoretiko-prikladnoe i sravnitel'no-pravovoe issledovanie) [European penitentiary systems (theoretical and applied and comparative legal research)]. Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Krasnoyarsk, 2019. 46 p. (In Russian)
12. *Agabekyan A. L.* Standarty Soveta Evropy v sfere ispolneniya al'ternativnykh («obshchinnnykh») nakazanii: evolyutsiya i natsional'nye varianty realizatsii [Council of Europe standards in the field of execution of alternative («community») punishments: evolution and national options for implementation]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Tomsk, 2022. 28 p. (In Russian)
13. *Grushin F. V.* Vliyaniye sistemy faktorov na razvitiye ugovolno-ispolnitel'noi politiki i ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Influence of the system of factors on the development of penal policy and penal legislation of the Russian Federation]. Moscow, Infra-M Publ., 2017. 208 p. (In Russian)
14. *Sravnitel'nyi analiz ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva stran — uchastnits SNG* [Comparative analysis of the penal legislation of the CIS member states]. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii Publ., 2007. 36 p. (In Russian)
15. *Gumbatov M. G.* Penitentsiarnye komplekсы — novyi vid uchrezhdenii po otbyvaniyu lisheniya svobody v Azerbaidzhanskoi Respublike [Penitentiary complexes — a new type of institutions for serving deprivation of liberty in the Republic of Azerbaijan]. In *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie»* [International penitentiary forum “Crime, Punishment, Correction”]. Ryazan', 2013, pp. 115–124. (In Russian)
16. *Geta M. R.* Opyt probatsii i ego primenenie v Respublike Kazakhstan [Probation experience and its application in the Republic of Kazakhstan]. Ust'-Kamenogorsk, Media-Al'yans Publ., 2003. 44 p. (In Russian)
17. *Rakhimberdin K. Kh.* Preodolenie naslediya GULAGa: iz proshlogo v sovremennost' ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Kazakhstan [Overcoming the legacy of the GULAG: from the past to the present of the penal system of Kazakhstan]. Nur-Sultan: KMF pravovogo sotrudnichestva Publ., 2022. 160 p. (In Russian)

Ольховик Николай Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, lawtsu@rambler.ru

Орджоникидзе Зураб Гивиевич — доктор медицинских наук, спортивный врач, ozg003@gmail.com

Осадчая Анастасия Игоревна — специалист первой категории Института профилактики деструктивности и экстремизма среди молодежи Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, nastya_batalova@inbox.ru

Приходько Наталья Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, член Союза криминалистов и криминологов, nnnatasha2009@yandex.ru

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 11081975@list.ru

Раненкова Елена Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии МОФ МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, alena_ranenkova@rambler.ru

Рахматджонзода Рифат Рахмаджон — доктор юридических наук, доцент, подполковник милиции, заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, reefat@yandex.ru

Романова Нелли Львовна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, nellyromanova@mail.ru

Россинская Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Российской академии естественных наук, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), elena@rossinskaya.ru; elena.rossinskaya@gmail.com

Скиба Андрей Петрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии ФСИН России, apskiba@mail.ru

Тангиев Бахаудин Батырович — кандидат юридических наук, кандидат технических наук, профессор, гранд-доктор юриспруденции в области экокriminalологии, полный профессор Оксфордского и Кембриджского Университетов, эксперт ЮНЕСКО в области экокriminalологии и информационно-криминологических технологий, руководитель НТС по экокriminalологии и экобезопасности НП МАБИ, заслуженный работник науки и образования РАЕ, почетный эколог-академик МАНЭБ и Европейской академии естественных наук (Hannover, Германия), действительный член Русского географического общества, Российской криминологической ассоциации и Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, член Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, tangievb@yandex.ru

Тугельбаева Бермета Галиевна — доктор юридических наук, профессор, директор Института профилактики деструктивности и экстремизма среди молодежи Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, tbermeta@yandex.ru

Уткин Владимир Александрович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, crim_tsu@mail.ru

Хармаев Юрий Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), kharmaev@mail.ru

Шамурзаев Таалайбек Турсунович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, taalha@mail.ru

Шамурзаева Толкунай Турсуновна — кандидат педагогических наук, доцент Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева, shamurzaeva.t.t@gmail.com